ученіями человѣка о томъ, что онъ не долженъ дѣлать другимъ того, что онъ не хочетъ, чтобы ему дѣлали, а потому не долженъ принимать участія: въ насиліяхъ, наборахъ, казняхъ, убійствахъ своего ближняго, которые требуетъ отъ него его правительство. Такъ что вопросъ для христіанина не въ томъ, какъ его неумышленно, а иногда и умышленно ставятъ сторонники государства: имѣетъ ли человѣкъ право разрушить существующій порядокъ и замѣнить его новымъ,—христіанинъ и не думаетъ объ общемъ порядкѣ, предоставляя веденіе этого порядка Богу, твердо увѣренный въ томъ, что Богъ вложилъ въ нашъ разумъ и сердце свой законъ не для безпорядка, а для порядка и что отъ слѣдованія открытому намъ несомнѣнному закону Бога ничего кромѣ хорошаго выйти не можетъ — вопросъ для всякаго не только христіанина, но и всякаго человѣка, — не въ томъ, какъ устроить по внѣшнему или по новому, — (никто изъ насъ не приставленъ къ рѣшенію этого вопроса), рѣшенію-же каждаго изъ насъ подлежитъ и не произвольно, а неизбѣжно, вопросъ о томъ, какъ мнѣ поступить въ постоянно представляющемся мнѣ выборѣ: долженъ ли я противно своей совѣсти принять участіе въ правительствѣ, которое признаетъ право на земельную собственность людей, не работающихъ на ней, которое собираетъ подати съ бѣдныхъ для того, чтобы отдавать ихъ богатымъ, которое ссылаетъ въ ссылки и каторги и вѣшаетъ заблудшихъ людей, гонитъ на убійство солдатъ, развращаетъ опіумомъ и водкой народы и т. п. или согласно съ своей совѣстью не участвовать въ правительствѣ, дѣла котораго противны моему сознанію? А что изъ этого выйдетъ, какое будетъ отъ моего такого или иного поступка государство, этого я ничего не знаю и не то, что не хочу, но не могу знать.

Въ томъ то и сила христіанскаго ученія, что оно изъ области вѣчныхъ сомнѣній и гаданій переводитъ вопросы жизни на почву несомнѣнности.

Но скажутъ: «мы тоже не отрицаемъ необходимости измѣненія существующаго порядка и желаемъ также исправить его, но желаемъ исправить не отказомъ отъ участія въ правительствѣ, въ судѣ, въ войскѣ, уничтоженіемъ государства, а, напротивъ, участіемъ въ правительствѣ, пріобрѣтеніемъ свободы, правъ, избраніемъ представителями истинныхъ друзей народа и враговъ войны и всякаго насилія.»

Все это было бы прекрасно, еслибы содѣйствіе улучшенію формъ правленія совпадало бы съ цѣлью человѣческой жизни. Къ несчастью же оно не только не совпадаетъ, но противорѣчитъ ей. Если жизнь человѣческая ограничивается этимъ